

Александр
Дунаенко

Эссе

ТВ
советской
провинции

Александръ Дунаенко

ТВ советской провинции. Эссе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18325210

ISBN 9785447472344

Аннотация

Рассказы Александра Дунаенко, известного больше как мастера интеллектуальной эротики, будут интересны не только ТВ-журналистам, но и обыкновенным читателям. Которые смогут посмотреть на жизнь провинциальной студии «изнутри», глазами её сотрудников. Эта книга – отдельные страницы биографии областной студии ТВ города Актюбинска. Они смешные и грустные. О том, как загораются, а потом уходят с небосклона телевизионные звёзды. О том, какое оно было когда-то – ТВ советской провинции...

Содержание

Актюбинское ТВ – родина слонов	5
ТВ нашего прошлого	13
Прямой эфир	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

ТВ советской провинции

Эссе

Александрь Дунаенко

Дизайнер обложки Александрь Дунаенко

© Александрь Дунаенко, 2020

© Александрь Дунаенко, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4474-7234-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Актюбинское ТВ – родина слонов

Интервью «Эфир длиной с полвека» от 11.03.2010г. с директором «Казахстан-Актобе» Раукемом Отыншиным на глаза мне попало случайно. Прочитал с интересом, но ничего нового для себя там не обнаружил. Я уже знал, что в октябре 2010 года отмечался полувековой юбилей областной телекомпании и то, что на мероприятиях, посвящённых этой дате, русская редакция телевидения не упоминалась.

Практически ничего о ней не было сказано и в роскошном цветном томе, изданном аккурат к пятидесятилетию. Где были перечислены сотрудники, включая машинисток, но практически никого – из русской редакции ТВ. Только – из казахской.

И можно было бы махнуть на это рукой – не было, так не было. Как сказал мне как-то бывший ректор Актюбинского пединститута филолог Павел Степанович Щетинин по поводу производных от слова «Актобе»: – Я не хочу в это вмешиваться, пусть делают, что хотят!

Так и тут.

Какое мне дело?

Пусть делают, пусть пишут, что хотят. На областном ТВ меня уже двадцать лет, как нет, пора уже всё забыть, как забыло Актюбинское телевидение о тех, кто когда-то на нём работал.

Из ветеранов телевидения иных уж нет, а те далече...

Но...

Я же ещё не умер...

Я пришёл на областную телерадиокомпанию в начале семидесятых. Это значит, что местному телевидению на тот момент отсчитывалось от роду немногим больше десяти лет. Работали две редакции – русская и казахская. Соотношение вещания – 60% – 40%. Дело в том, что в семидесятых соотношение «понаехавших» и коренного населения областного центра было заметно смещено в сторону инородцев. А партия ревностно следила за тем, чтобы права национальностей строго соблюдались по всей территории свободных республик. И поэтому – на русском языке 60% вещания, на казахском – 40%. Хотя русским языком владело практически всё население областного центра.

Про Советский Союз сейчас наговорено много и всякого. Но редакцию телевидения советского образца, куда я попал, я вспоминаю с уважением.

Рекомендовал меня туда Михаил Никитин. Кажется, тогда у него была редакция пропаганды. И вот – представьте: я ещё не знал, что Никитин заканчивал, чем он на телевидении занимается, но я был уже очарован его красивой, правильной, русской речью. Постепенно я узнавал подробности: у Михаила богатая библиотека, множество записей лучшей

мировой музыки на пластинках. Он прочитал бездну всяких книг. Свободно говорил о живописи и прочих искусствах.

Да. Таким должен быть настоящий журналист – я так отметил для себя. Никитин на долгие годы стал для меня примером. Я хотел прочитать столько, сколько он, знать всё о музыке, кино, искусствах, как их знал Никитин. Михаил рецензировал мои фотоснимки, учил писать информации.

А ещё там работала Валентина Ивановна Криштова, редактор новостей. Университетское образование, филолог. Валентина Ивановна знала много тонкостей, на которые я в первые месяцы своей работы не обращал внимания. Например, что никак нельзя писать «секретарь райкома комсомола», не уточнив, какой. Оказывается, просто «секретарь» – это третий. А есть ещё второй и – первый. Обозвать первого секретаря просто секретарём значило совершить грубую политическую ошибку.

Никитина на пропаганде сменил ветеран Великой Отечественной войны Михаил Дмитриевич Смурыгин. Потом – Володя Горбачевский.

У всех – высшее филологическое образование. Блестящее знание русского языка. Михаил Дмитриевич до прихода на телевидение возглавлял районную газету.

Поглядывая на нас с Горбачевским поверх очков, Михаил Дмитриевич любил нам напомнить: – Я, ребята, с вами в пол интеллекта разговариваю...

Вообще редакция русского телевидения вполне себе напоминала литературный салон. Можно было всегда поговорить на любую тему, о любом писателе. Ещё один любитель книг, Слава Афанасьев, любил спорить о литературе громко, неистово, что называется, «до хрипоты». Был весьма начитан и постоянно сыпал цитатами из великих. С ним невозможно было ездить в автобусе, он и там читал в голос, на весь салон, стихи, рассказывал о дореволюционных книготорговцах и новинках литературы.

И журналисты все они были, что немаловажно, уже после этого, когда многое прочитали и узнали.

Все они были старше меня, лет на пятнадцать-двадцать. Это были мои учителя.

Сохранилось ли в архивах телекомпании имя Фёдора Тарасенко?

Который един был во всех телевизионных лицах – и режиссёр, и автор и оператор? Чьи сатирические передачи «Телескоп» вызывали широкий резонанс не только среди рядовых зрителей ТВ, но и во властных структурах.

Супружеская чета Критских, режиссёры детской редакции. Вместе с редактором, Клавой Ким, готовили сказки, детские спектакли, программы для республиканского ТВ.

Куаныш Досов привнёс живинку в передачи сельскохозяйственной тематики. Критика, проблемные вопросы. Но его влекла стезя партийной работы, и делом жизни телевидение

не стало.

Совершенно фантастическая личность – режиссёр Альфред Григорьевич Халевский. Он просто светился от своих всесторонних мыслительных способностей и интеллигентности. На каждую телепередачу Альфред Григорьевич готовил длинные ленты раскадровок: сопровождал всё рисунками. Где, что и как должна была взять каждая камера. Этого не мог и не делал никто.

Звукорежиссёр Колпашников... Оборудование телестудии в шестидесятых собирали любители, по крохам. У Колпашникова в его ведомстве было много своих ноу-хау, и за режиссёрским пультом он сидел, как пилот субмарины – даже под ногами у него были какие-то педальки, на которые мастер периодически нажимал, следя за звуковыми балансами.

Была в телестудии фонотека, состоявшая из тысяч советских музык, рекомендованных к оформлению телепрограмм.

Однажды Колпашников решил провести эксперимент: брал со стеллажа по очереди бобину с новой музыкой и давал её в эфир. Никто из телезрителей этого новшества не заметил. Вся советская музыка из фонда была пресной и однообразной.

А монтаж киносюжетов!

Имя Зинаиды Кузминичны Дик тоже навсегда забыто в обновлённой телекомпании. Нет её в славной истории блистательного коллектива.

Зинаида Кузминична клеивала на монтажном столе вначале простые, негативные, плёнки, потом обратимые чёрно-белые, потом – обратимые с магнитным поливом для звука, потом – синхронизировала пилот-тоны. Зинаида Кузминична могла совместить звук с изображением, прокручивая плёнку задом наперёд, почти не глядя.

Гордость операторской группы – Юра Зубков. Он был лучшим. Передачи на Москву, Алма-Ату – это Юра Зубков. Работал чисто, чётко, красиво. С работы его уволили за то, что, будучи членом партии, потихоньку захаживал в церковь.

И была ещё Ирина Измайлова, сектор выпуска.

Красивая, стройная женщина с чертами лица потомственной дворянки.

И – лицо и гордость Актюбинской студии телевидения – её дикторы – Людмила Незванкина и Иван Ушанов. Образцы элегантности и вкуса. Эталонная русская речь, скорректированная по словарям для работников телевидения. Дикторам верили, считая их чуть ли не истиной в первой инстанции. Что бы ни написал журналист, редактор, зритель воспринимал это, как слова и мысли диктора. Им писали пись-

ма с просьбами, как к Деду Морозу, на них с трепетом указывали пальцами на улице.

А – главный редактор русского телевидения Геннадий Иванович Ерофеев, почему о нём – ни слова? Я понимаю, машинистки – важные люди в организации, но они были в любой организации и могли в любой организации работать, но главный редактор телевидения – это продукт штучный, эксклюзив.

Прекрасная дикция, политическое мышление, незаурядные организаторские способности. В сложные времена цензурированного советского эфира, Геннадий Иванович до всякой цензуры знал, какую фразу в сценарии можно допустить, а от какой лучше отказаться.

Прямые репортажи с праздничных демонстраций, регулярные передачи для Республиканского телевидения.

В конце концов, Геннадий Иванович Ерофеев на протяжении нескольких десятилетий осуществлял руководство русской редакцией областного телевидения!..

О русской редакции Актюбинского ТВ можно ещё рассказывать много и долго, но постороннему читателю это утомительно, а нынешним руководителям областного ТВ, наверное, и вовсе противно.

Россия – родина слонов, а на Актюбинском ТВ никогда

не было того, о чём тут вскользь попытался вспомнить я.

Там уже написали новую историю, которую и самим приятно читать, и можно с гордостью показывать молодым, вступающим в жизнь, журналистам.

ТВ нашего прошлого

Телевидения бывают разные. В Советском Союзе они делились на Центральное, то, что в Москве, Республиканские – по одному в каждой столице братских и свободных республик и – областные.

На областном телевидении много чего не было по сравнению со столичным. На тот момент, когда я стал готовить свои передачи, в Алма-Ате уже всю использовали видеозапись. У нас все программы шли в прямом эфире. Что, конечно, дисциплинировало. Никаких тебе дублей, оговорок, никаких почесать нос. И чесаться, и чихать можно было уже только после эфира.

Большим, знаковым событием стало для нас получение первого видеомэгнитофона. Разумеется, не нового. Модель уже прошла в Алма-Ате и Крым и Рим. Это в столице установили новый, а нам уже досталось счастье с барского плеча.

Это счастье занимало большую комнату. Большие – в один обхват катушки с видеолентой. Постоянное жужжание приборов.

Но эта видеозапись практически ничем не отличалась

от прямого эфира. По-прежнему, нельзя было ничего исправить, добавить. Вся передача записывалась без остановки от начала до конца. Единственным плюсом было то, что передачу можно было записать заранее, а потом поставить в удобное время. Ну и, конечно, повторить.

Но мы смотрели Центральное телевидение. И нам тоже хотелось делать передачи живые, в которые можно было собирать самые ценные фрагменты из многочасовых записей. Делать видеофильмы. Но до этого было ещё очень далеко. И приходилось выкручиваться.

Однажды призвал меня к себе наш главный редактор, Геннадий Иванович Ерофеев. И сказал: – Скоро, Саша, выборы. Нужно нам сделать какую-нибудь передачку о депутатах. О тех, кто пойдёт голосовать. Желательно – кто пойдёт голосовать в первый раз. У меня в голове мелькнуло – «и – в последний?», но вслух я не переспросил своего начальника.

Созвонился с пединститутом. Нужен, говорю, человек, который будет голосовать в первый раз. Пединститут сказал: – Пожалуйста! Прислали ко мне красивую девушку-казашку. Круглая отличница. Комсомолка. Стал я с ней разговаривать про голосование – никаких эмоций. Ну, как у всякого нормального человека. Но ведь, блин, отличница? Комсомолка! Что она, на собраниях у них там, в пединституте

не выступает?

Бился целый час – ничего не получается. И тогда сказал я своей героине: – А, давайте, я вам текст напишу, а вы его потом и перескажете? Девушка согласилась. Куда нам обоим было деваться?

А я вообще не сторонник был никаких заготовок, всяких там чтений по бумажке. А здесь... Ну, что делать?..

Сел я и написал от лица девушки, как ещё с детства она запомнила эти радостные, счастливые дни голосования. Музыка на улицах, нарядные родители, улыбки на лицах людей, которые шли отдавать свои голоса за единый блок коммунистов и беспартийных. Что-то около странички машинописного текста. Отдал отличнице-комсомолке. Вечером сел смотреть свою передачу. Даже я чуть не заплакал. Будущая учительница, глядя прямо в камеру, с выражением, ярко, искренне рассказала о том, какие она испытывает чувства накануне своего первого голосования. О своих родителях. О музыке на улицах. Слово в слово по тексту, до запятой. Я слушал и не верил, что всё это написал я сам...

Наверное, правда, она была лучшей в Актюбинском пединституте.

Задумал я как-то цикл передач «Чем больше от сердца отрываешь...».

«Вовеки не загнивает Вода в дающих колодцах. Чем больше от сердца отрываешь – Тем больше его остаётся...».

Я зачитывал строки стихотворения Вознесенского и предлагал прокомментировать их, высказать свою точку зрения, привести примеры из жизни. Предлагал группе учащихся, рабочих, студентов... Хотелось, как в Москве. Но – как? Видеозаписи нет. Монтаж невозможен. Интереснейшую беседу записал на магнитофон со старшеклассниками, но как её перенести на экран? Второй раз они уже так не скажут. И потом – в советское время ничего не говорили прямо в эфир. Хоть и эфир был прямой. Нужно было написать сценарий, который скреплялся печатью цензуры. Потом передачу просматривали на «тракте», репетиции перед эфиром. И только тогда... Понятно, что от живой беседы в такой передаче места не оставалось.

Я переписал на бумагу свой разговор со старшеклассниками. Выбрал самые яркие места. На тракте раздал кусочки текста моим героям и объяснил ситуацию: – Всё это говорили вы, но у нас двадцать минут, в которые нужно высказать самое главное. Разыграли, как по нотам.

Я знаю, что, как в Москве, не получилось. Но я и мои ребята хотели. Старались...

А вот ещё история с магнитофонными записями.

Придумал я передачу на «производственную» тематику. Как любовь влияет на производительность труда. Почти «Свадьба с приданым». Пришёл на завод «Актюбрентген», где меня уже хорошо знали. Я о передовиках производства с этого предприятия передачи делал неоднократно. Но и мне, и моим друзьям с «Актюбрентгена», конечно же, разговоры о соцсоревновании и перевыполнении планов давно уже до чёртиков надоели. А вот про любовь... Любовь для советского человека являлась чувством второстепенным, если только не была адресована к Партии и Правительству.

Я хотел поговорить о любви обыкновенной. Той самой, второстепенной.

И, хотя сочетание «любовь» и «производительность труда» выглядело несколько наивным, разговор на эту тему вызвал интерес. Я не устраивал коллективных обсуждений. Разговаривал с каждым рабочим отдельно. Беседу записывал на магнитофон. Визуально высказывания моих героев должны были сопровождаться фотоснимками.

Мне доверяли. Поэтому разговор был совершенно свободным. Я предупредил, что запись впоследствии будет редактироваться, если что – какие-то неловкости будут исключены. Ну, и... Простой разговор в рабочей среде не обходится без слова «мать» и сопутствующих ему сочетаний. Я принёс записи в звукоцех. Сказал режиссёру звука Люсе Карташовой, что нужно «почистить» запись. Стали монтировать по тексту.

А магнитофоны на нашей студии были ещё с тех времён, когда Попов изобретал своё радио. Люся когда-то училась в Ленинградском институте и рассказывала, что у них в учебниках описывались профессиональные магнитофоны первых лет Советской власти. Когда Люся устроилась к нам на работу, она их не только увидела. Она потом на них работала ещё десять лет.

Магнитофоны по размерам были, чуть больше стиральной машины. Монтировать на них было непросто. Чтобы «откусить» ненужную часть записи, нужно было уловить момент и включить второй магнитофон, который уже писал разговор дальше, в «очищенном» виде. Но этот момент нужно уловить. В нашем случае многократно повторялась звучная ненормативная частичка «**». Люся была женщиной тихой, домашней. Целомудренной. И тут – такое безобразие. Но ра-

бота есть работа. Как назло, не всегда это самое «**» удавалось «обрезать» с первого раза. Сливалось оно с основной фразой иногда настолько плотно, что точность требовалась ювелирная. Раз за разом Люся включала оригинал, второй магнитофон... – «**»! – рывкала звуковая колонка – опять проскочило! Пятый. Пятнадцатый раз... Люся стояла у своих динозавров красная и прекрасная.

Но ещё была она истинным профессионалом. Люся сделала хорошую, качественную, запись.

Мы с завистью смотрели на Москву, на её техническое оснащение. На то, как свободно дикторы, ведущие говорят прямо в объектив камеры. Режиссёр Валя Князькова укоряла меня: – Зачем ты перед собой держишь бумагу? Ведь ты сам пишешь себе тексты!

Режиссёрам вообще трудно объяснить, что собой представляет процесс написания сценариев, информации. Их работа – чего-нибудь кричать и размахивать руками. Я не мог объяснить Вале, что писать стихами и говорить стихами – это разные жанры. И я – говорить не могу.

Потом я узнал, что у дикторов и ведущих солидных студий есть специальные прозрачные экраны, телесуфлёры, на которых прямо перед глазами ведущего движется текст.

Ларчик открывался просто.

Вне телевизионной своей жизни по молодости лет я интересовался и увлекался всем, чем попало. Музыка – джаз, рок, живопись – абстракции, сюрреализм и пр. И хотелось, конечно, как-то вынести всё это на телеэкран, поделиться с актюбинским зрителем. Но Сальвадор Дали и Элвис Пресли были явными антисоветчиками. Ну, и все остальные там, Элисы Куперы, Джимми Хендриксы. Мир, чуждый советскому человеку. Тлетворное влияние. Разврат. К чему призывал, к примеру, Мерл Тревис в своей знаменитой песне? Ясное дело – к половой разнузданности. От прослушивания его похабных ритмов до измены Родине – один шаг.

И попалась мне как-то на глаза тоненькая книжка «Музыка бунта». В ней давался обзор современной музыки. «Оркестр Махавишну», «Дип Пёрпл», «Роллинг стоунз». Про всех можно было уже, хоть что-нибудь, прочитать. Но – в «правильном» ключе. Оказывается, все эти западные ансамбли, рок-группы терпеть не могут капитализма, среди которого живут. И потому так неистово кричат на весь мир, даже разбивают гитары.

Ну, я этой книжке очень обрадовался. Я увидел возможность внести свой вклад в борьбу с мировым злом. Быстренько сел, накатал сценарий передачи, которую так и на-

звал: «Музыка бунта». У знакомой девушки взял двухтомник по модернизму. И наделал из него репродукций всех самых поганых, всемирно известных, западных художников. Анри Валенси, Йозеф Чаки, Андре Лот, Оскар Кокошка, Ле Корбюзье, Пьер Корнель.

Передача проходила так: я в кадре клеймил всякими последними словами язвы капитализма, используя ссылки и сноски на замечательную книжку «Музыка бунта». В паузах звучала музыка «Doors», «Creedence», «Rolling Stones», «Led Zeppelin», «Deep Purple», «Elvis Presley».

А зрителям в это время, в качестве иллюстраций показывали репродукции вредных художников. Пятна и искорёженные фигурки на их картинах явно свидетельствовали о том, что и художники не в стороне от классовой борьбы. Они бунтуют. И, в общем, они – с нами. Хотя, конечно, многого ещё не понимают.

Само собой, никакие «фирменные» диски в передаче не звучали. Я пользовался только легальными, «открытыми» каналами. В магазине «Мелодия» в свободном доступе лежали пластинки с безобидными названиями: «Мелодии и ритмы», «Субботний вечер», «Музыкальная лестница». В них иногда просто «насыплю», один за другим, были записаны зарубежные хиты. Часто, даже без названия автора и произ-

ведения. Что и оказалось весьма удобным для публикации в областном эфире.

В покупке «фирменного» диска я только однажды принял участие. В музыкальном отделе магазина подошёл ко мне молодой человек и предложил «Smoke On The Water» Deep Purple. А я, блин, колхоз. Внутри аж похолодело. Настоящую «фирму» предлагают. А я – ни в зуб ногой, ничего в этом не понимаю. Но виду не подал. Ответил спокойно, что, в принципе, можно было бы, но – надо прежде послушать. Фирмач со мной согласился. Договорились о встрече у меня дома. Парень в условленное время пришёл. Мы с другом Павликом уже с нетерпением его ожидали. Продавец извлёк из конверта своё сокровище, передал мне. Моя «Вега-стерео» даже слегка присела от уважения к диску.

С тайным благоговением все втроём прослушали. После паузы заговорили о цене. Фарцовщик сказал, что вообще они расходятся по двенадцать. Нам он согласен уступить за девять. Очень деньги нужны. Я подумал, подумал. Импортные пластинки в магазине продавались по три рубля. Девять – это выглядело как-то уж слишком. И сказал, что за девять не могу, а вот за шесть – пожалуй. Мы ещё немного пообъяснялись, но сторговаться не удалось.

Спустя какое-то время узнал я, деревня, что девять – это

девяносто рублей. И что я сам предлагал за импортную пластинку шестьдесят! При моей зарплате в сто двадцать.

Хорошо, что «фирмач» не согласился.

И в чём прелесть провинциального телевидения: никто не заметил этого смелого прорыва в общем потоке тихих однопартийных передач. Никто не похвалил, никто не упрекнул в завуалированном инакомыслии. Прошла передача – будто её и не было.

Не стало и тех нескольких десятков фотографий, репродукций из редкого двухтомника о модернизме. Они бесследно куда-то пропали, сразу после передачи.

Главным редактором меня назначили совсем неожиданно. Работал я на тот момент кинооператором. Был, так сказать, на телевидении простым рабочим парнем. Но в руководящих наших элитах что-то не заладилось с главными редакторами. Мудрейший Геннадий Иванович попал под колпак КГБ. В Советском Союзе КГБ входил в состав семьи. Вместе они составляли ячейку советского общества. КГБ всегда думал о нас. Мы – о НИХ.

Геннадия Ивановича не уволили, но с должности убрали. Молодой Афанасьев уехал в столицы. Начальство недели

две в раздумьях водило пальцем по творческому коллективу, и палец упёрся в меня. Хорошее образование: факультет журналистики МГУ.

Я согласился сразу. Потому что привык кидаться, куда попало, не глядя. Наверное, авантюрист. А сам внутри чувствовал, что начальник над журналистами из меня никакой. Нужно уметь отругать, срезать премию, приласкать повышенным гонораром. Нужно быть политиком. Вот Геннадий Иванович это умел. Пройдётся по редакции, заглянет в режиссёрскую. Там слово тихонько скажет, там – два. Потом садится у себя в кабинете и с удовольствием слушает, как в редакции кто-то кому-то в волосы вцепился, кто-то в режиссёрской валерьянку пьёт. А он, Геннадий Иванович, при всём при этом оставался как-то в стороне.

А я ничего этого не умел.

Но согласился сразу. Подумал: научусь.

Какой солдат не мечтает стать генералом!

В обязанности главного редактора входило всякий раз по понедельникам выступать с итоговым словом по передачам, которые прошли за неделю. Выступали обзорные, потом – главный редактор. Я новичок. Но уже две-три недели,

как начальник. И уже выступал. И вот новый понедельник. И мне нужно выйти, подвести черту под передачами прошлой недели. А я не все смотрел. Ну, про те, что видел, высказал своё начальственное мнение. Но была ещё одна передача, про которую нужно было обязательно что-то сказать. Очень передача важная. Нужная. Из ряда тех, за которые журналистам зарплату платят.

Передача – беседа журналиста с высоким должностным лицом из Обкома партии. Ответственным за передачу, её ведущим был зам. председателя по телевидению Амангельды Мектепбаев.

И вот эту-то передачу я и не посмотрел.

Я мог пропустить, проспять все передачи, но эту посмотреть был ОБЯЗАН! И – куда деваться – я стал нагло врать. Первым делом – что передача нужная, полезная. Напомнил всем, что из-за таких передач и держат наше телевидение. И содержат. Что на передаче поднимались важные вопросы. Которые умело ставил перед руководящим работником Партии наш уважаемый Амангельды Мектепбаевич. И на которые, не менее ловко, руководящий работник отвечал... Я увлёкся... Смотрю – в помещении какой-то шорох. Смотрят на меня коллеги не только с интересом, но и с некоторым недоумением. Шёпот по рядам. Диктор наш, Иван Яко-

влевич Ушанов, из первого ряда делает мне какие-то знаки. Пришлось самого себя прервать, прислушаться. – Не было этой передачи на прошлой неделе! – осторожно шипел мне на всю аудиторию Иван Яковлевич. – Как? – я переспросил. – У нас с Иваном Яковлевичем завязывался странный диалог. – Не было этой передачи на прошлой неделе, перенесли! – наклонившись в мою сторону, шумным шёпотом повторил диктор. – Не было? – Удивлению моему не было границ. И все это заметили.

Нужно было что-то ответить, сказать по этому оперативному поводу. Думать было некогда. Ехидный творческий коллектив в молчании ждал.

Я улыбнулся, как будто услышал новость, весьма для меня приятную. Развёл руками и, не теряя достоинства, и уже с лёгкой грустью (новость, конечно, приятная, но радоваться тут, откровенно говоря, было нечему) произнёс: – А – жаль!..

Оператор Саша Чернухин в задних рядах сполз со стула и рыдал от смеха.

Внутренне я всегда понимал, что, как главный редактор, я определённо не на своём месте.

И всё-таки в этой должности я проработал ещё де-

ВЯТЬ ЛЕТ...

Прямой эфир

Архинтересно – выражаясь ленинским языком – но при этом архитрудно работать в прямом эфире. Неизгладимый кайф... Просто неизъяснимый кайф ловишь от этого...

Владислав Листьев. «Диалог с самим собой».

Когда-то все передачи телевидения выходили в прямом эфире. Про видеозапись тогда и слыхом не слыхивали, а рассказы о том, что такое понятие существует, воспринимались, как фантастика.

Помнится, уже в конце семидесятых, председатель нашей телерадиокомпании, Михаил Николаевич Козин, после поездки в Москву, рассказывал нам не летучке, что совещание, на котором он присутствовал, снимали на кинокамеру, а потом сразу же и показали. В цвете. По телевизорам, которые находились в фойе.

Мы слушали, разинув рты. У нас ещё снимали кинокамерой на чёрно-белую негативную плёнку. Впереди маячил целый ряд лет перехода на позитивную, потом – цвет. Всё – мокрые процессы обработки. Отснял – жди несколько часов, пока через все ванночки с растворами киноплёнка пройдёт. Хорошо, если плёнка не оборвётся, если не выключат свет.

Тогда всё пропало!..

Нам скорых и радостных перспектив с чудесными московскими камерами Михаил Николаевич не обещал. В своей дремучести он далеко от нас не ушёл, а во многом был и ещё и более продвинутым. Так, представляя, что на цветную киноплёнку мы будем снимать ещё при нашей жизни, он рассказывал, что вот-вот мы получим «цветные» кинокамеры и будем выглядеть не хуже, чем Алма-Ата, или же хвалёная Москва.

Михаил Николаевич не знал, что для съёмок в цвете не нужны «цветные» камеры. Достаточно в обычную зарядить цветную киноплёнку...

А – и нужно ли было Михаилу Николаевичу знать какие-то мелочи, подробности, из которых состояла руководимая им организация? В конце пятидесятых партия направила его на этот фронт – возглавить телерадиокомитет – он пошёл. Послала бы партия руководить консервным заводом или трикотажной фабрикой – без проблем. Партийные работники были талантливы универсально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.